

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316.422.6

DOI 10.52928/2070-1640-2024-42-2-99-103

АНОМИЯ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ:
СУЩНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ

С. А. АМОНЕНКО

(Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск)

ORCID <https://orcid.org/0009-0009-6064-1284>

Статья посвящена анализу феномена социальной аномии и ее взаимосвязи с социальными кризисами в современном обществе. Основываясь на классическом понимании аномии, разработанном в исследованиях Э. Дюркгейма и Р. Мертона, как аномальной стадии социальной динамики, нарушающей солидарность и способствующей возрастанию в обществе девиантного поведения, в статье выдвигается тезис о каузально амбивалентном характере связи между аномией и социальными кризисами. Рассматриваются попытки переосмысления феномена аномии в современном сложноорганизованном глобальном обществе. Отмечается более широкое понимание аномии в современных исследованиях. В качестве теоретико-методологического базиса для преодоления или минимизации последствий аномии предлагается использовать разработанные в философии М. Бахтина концепты «участного сознания» и «не-алиби в бытии». В статье акцентируется внимание на важности формирования этической установки субъектов современного социума и их активной роли в противостоянии социальной аномии.

Ключевые слова: аномия, социальный кризис, каузальная амбивалентность, участие сознания, не-алиби в бытии.

Введение. Исследование сущности, причин возникновения и форм протекания современных социальных кризисов является одной из наиболее важных задач, стоящих перед гуманитарным и социально-философским знанием. С одной стороны, это связано с актуальными глобальными социально-политическими процессами, характеризующимися возрастанием широкого спектра проблем, затрагивающих все сферы общественной жизни: социальную, экономическую, духовную и т.д., ростом межгосударственной напряженности и общего уровня насилия, отражающихся на локальном, региональном и глобальном уровнях общественного бытия. С другой – с определенным консенсусом в современной исследовательской среде, рассматривающей социум как сложноорганизованную и развивающуюся систему, которая в своей исторической динамике неизбежно проходит фазы кризисов. При этом само понятие социального кризиса остается полисемантическим и может быть обозначено термином, предложенным У. Гэлли, «принципиально спорное понятие» [1]. В рамках данной статьи нами будет использоваться наиболее общее определение социального кризиса как фазы социальной динамики, вызванной обострением социальных противоречий, характеризующейся нарушением сбалансированности внутри социальной системы и интенсификацией ее дисфункциональности, потенциально грозящей данной системе гибелью и делающей невозможным стабильное, устойчивое развитие общества в целом. Рассматриваемый таким образом социальный кризис представляется комплексным и многомерным явлением, актуализирующимся на всех уровнях и всех подсистемах социума.

Целью данной статьи являются исследование взаимовлияния социальных кризисов и феномена социальной аномии и попытка предложить возможности преодоления данного феномена. Для достижения поставленной цели необходимо определить понятие социальной аномии, степень ее проявления в современном глобальном социуме и теоретико-методологический базис для преодоления социальной аномии.

Основная часть. Хотя само слово «аномия» возникло еще в Древней Греции, буквально обозначая «неуправляемость», «беззаконность», в понятийно-категориальный аппарат социально-гуманитарных дисциплин данное понятие ввел Э. Дюркгейм в своей работе «О разделении общественного труда». Термин получил широкое распространение во многих областях гуманитарного знания, в связи с чем в современной исследовательской литературе выделяется множество подходов к исследованию феномена аномии: социокультурный, коммуникативно-информационный, криминологический, менеджериальный, психологический [2, с. 32]. Однако для достижения поставленной цели статьи и рассмотрения феномена аномии в контексте всей социальной системы, а не в ее отдельных элементах, мы будем опираться на «классическое» понимание аномии, традиционно относимое к парадигме структурного функционализма и разработанное в исследованиях Э. Дюркгейма и Р. Мертона. Исследуя механизмы образования социальной солидарности, Э. Дюркгейм выделяет два типа последней: механическую, в которой социальная интеграция происходит через сходство и однородность индивидов, характерную для традиционных обществ с низким уровнем разделения труда, и органическую, свойственную современным и сложным обществам с высоким уровнем разделения труда, в которой социальная интеграция достигается через

различие и взаимозависимость индивидов, выполняющих специализированные функции. Аномия же предстает как аномальная стадия социальной динамики, характеризующаяся нарушением социальной солидарности, вследствие того, что социальные нормы и ценности теряют свою силу, что приводит к социальной дезинтеграции и дезорганизации. Переход общества из формы механической солидарности в органическую является классическим примером аномии, когда старые нормы не одобряются и не воспринимаются индивидами как адекватные, а новые механизмы образования солидарности в виде социально обусловленных устойчивых жизненных целей и ценностей индивидов еще не сложились. Тем самым аномическое состояние общества порождает у людей состояние психологического дискомфорта, тотальной неопределенности, утраты субъективных связей с конкретными социальными группами и обществом в целом, что приводит к распространению девиантных и саморазрушающих человека практик [3].

Р. Мертон уточнил понятие аномии, связав его с функциональной дезорганизацией взаимодействия двух уровней: культурной и социальной структур в рамках конкретных обществ. Уровень культуры задает сферу устремлений социальных субъектов, т.е. их интересов, вкладываемых смыслов и целей в своей деятельности. Уровень социальной структуры задает институциональные и моральные нормы, регулирующие процесс достижения заданных на уровне культуры целей. Неадекватность данных общественных институтов друг другу ведет к дисфункциональности их эффективного равновесия, что выражается в невозможности для субъекта или социальной группы достичь данных на уровне культуры целей, используя соответствующие ценностно-нормативной структуре общества средства. Следствием является ослабление процессов социальной интеграции и возникновение феномена социальной аномии. Всего Р. Мертон выводит пять возможных способов адаптации индивида к установленным целям и средствам их достижения: подчинение, инновация, ритуализм, бегство и мятеж [4, с. 255]. При этом подчинение рассматривается как наиболее «нормальная» форма социальной адаптации, поддерживающей стабильность и преемственность общества. Остальные формы, так или иначе, являются аномичными, не признающими либо существующие «цели», либо «средства», либо и то, и другое, и являющиеся родовыми сущностями ко всему многообразию форм девиантного поведения. Подчеркнем, что для Р. Мертона аномия и девиация являются социальными феноменами, они порождаются специфическим устройством общественной структуры и не могут быть редуцированы к психофизиологическим особенностям отдельных индивидов.

Таким образом, аномия является дисфункцией ценностно-нормативной сферы социума, происходящей как на социально объективном уровне социальных институтов и нормативных постановлений, так и на субъективном уровне отражения социально одобряемых целей, ценностей и средств их достижения индивидуальным и массовым сознанием. Из данного краткого разбора позиции Э. Дюркгейма и Р. Мертона по вопросу социальной аномии следует очевидный вывод о тесной взаимосвязи социальной аномии и социальных кризисов при этом характер данной связи мы обозначим как каузально амбивалентный. Под данным термином понимается одновременное существование аномии как следствия, так и причины социальных кризисов. И для Э. Дюркгейма, и для Р. Мертона аномия выступает результатом кризиса ценностно-нормативной системы. Для первого она вызвана резкими изменениями условий социальной жизни, связанными с интенсификацией разделения труда, при переходе общества от механической к органической солидарности, вызывающей рассинхронизацию между длительное время существовавшими нормами и новыми параметрами социума. Для второго аномия является результатом длительного социального процесса стагнации функционального баланса нормативных целей и средств их достижения по каким-либо причинам, не модифицированным в соответствии с динамикой существующей социальной структуры. Но в тоже время аномия, отрицая любую нормативность, выступает как фактор и причина социальных кризисов, снижая уровень стабильности социальной группы и понижая вероятность достижения имеющих ценность для группы целей. Это выражается в усилении социальной дезорганизации, распространении и одобрении деструктивных поведенческих установок, снижении возможности регулирования социальных процессов. Необходимо отметить, что на барометре общественного сознания уровень аномии не может быть равен нулю, в противном случае сам социум представлял бы застывшую и неизменную систему. Но усиление аномии и возрастающая частота случаев девиантного поведения, особенно если результат такого поведения расценивается как «успех», преуменьшают или вовсе отменяют законность институциональных норм и для всех других членов общества. «Этот процесс расширяет степень аномии внутри системы настолько, что другие люди, которые не реагировали в форме девиантного поведения при относительно слабой аномии, сталкиваясь с первыми, начинают поступать таким же образом, так аномия распространяется и интенсифицируется ... аномия и возрастающая интенсивность девиантного поведения могут быть поняты как взаимодействие в процессе социальной и культурной динамики, с кумулятивно нарастающими разрушительными последствиями для нормативной структуры» [4, с. 305–306].

Из описанной каузальной амбивалентности аномии и социальных кризисов следует актуальная необходимость теоретических исследований, нацеленных на поиск возможностей преодоления аномии в современном нам социуме. Анализируя процессы аномии на современном этапе социальной динамики, многие исследователи приходят к идее необходимости «переоткрытия» и семантического расширения концепта социальной аномии. Так, С. А. Кравченко предлагает концепцию «нормальной аномии» как новой нормативной неопределенности [5]. О. Ю. Тургенева рассматривает аномию как «системный социально-нормативный кризис», возникающий

в результате краха исторически предшествующей аномическому состоянию аксиосферы и сосуществования внутри общества нескольких альтернативных ценностно-нормативных систем [6]. О. А. Ефремов пишет о «тотальной аномии» современного общества как ситуации полного устранения нормативности как таковой, затрагивающей все аспекты современного капиталистического общества и порождающей его системный кризис [7]. Несмотря на оригинальность и самобытность приведенных выше концепций, можно выделить общую для современных исследователей методологическую установку, приводящую к переосмыслению феномена аномии в современном мире. Данная установка основывается на представлении, согласно которому существует объективный процесс трансформации современного социума на качественно новый сложноорганизованный уровень своего развития. В рамках данного процесса происходит стирание границы между «нормальными» и аномичными формами социальных действий. Следствием этого является перенос классического понимания девиантности с отдельных индивидов на все общество в целом. Культурные и социальные эффекты глобализации способствуют размыванию устоявшихся ценностно-нормативных систем и замене их эмерджентными «глобальными нормами», страдающими от избыточной вариативности их толкований. Аномия перестает пониматься как явление индивидуальной девиации и рассматривается в более широком контексте – как неотъемлемый элемент ценностно-духовной сферы жизни современного общества.

Если для Р. Мертона общество всегда располагало набором компенсирующих социальных механизмов, таких как «доступ к альтернативным целям в хранилище общих ценностей» [4, с. 309], для снижения уровня аномии, предотвращения девиации и сохранения стабильности, то для современных исследователей на данной фазе актуальной социодинамики принципиально отвергается сама возможность существования адекватных компенсирующих аномии механизмов. В этой связи особую остроту приобретает вопрос о возможности преодоления или сдерживания аномии в современном обществе. Солидаризуясь с мнениями С. А. Кравченко и О. Ю. Тургановой о необходимости «лечить не отдельные проявления аномии в виде тех или иных уязвимостей, а социум в целом, имея в виду стратегическую нацеленность на его гуманизацию» [5, с. 9] и «сформировать ядро новой аксиосферы» [6, с. 78], мы не считаем возможным достижение этих целей через установление жестких нормативных положений и социально-ценностных «универсальных» идеалов. Когда в культуре существует чрезвычайное акцентирование цели человеческих действий и этических императивов, ослабевает конформность к институционально предписанным методам продвижения к этой цели, что оборачивается опасностью превращения существующих социальных противоречий в социальные антагонизмы, ростом массовых девиаций и общественному расколу. Вместо ослабления общественной аномии такая стратегия вполне может привести к возникновению глубокого социального кризиса. Логически первоочередной задачей для противодействия аномии представляется формирование у социальных субъектов самой этической установки по отношению к окружающим их миру. Ведь глобальная проблема аномии, в т.ч. проявляется в вытеснении ценностной оптики на периферию мировоззренческой позиции современного субъекта. Теоретико-методологической базой для которой могут выступать концепты «участного сознания» и его специфической единичной добродетели «не-алиби в бытии», разработанные в творчестве М. Бахтина.

Отправной точкой философского проекта М. Бахтина, контуры которого задаются в работе «К философии поступка», является идея о раздвоенности мира субъекта на «мир культуры» и «мир жизни». Оба этих плана бытия оформляют горизонт человеческого видения, т.е. все мирозерцательные и смысловые направленности человека. Мир культуры представляет собой мир моральных императивов, эстетических ценностей, правовых норм и т.д., это мир, который теоретически обобщает и систематизирует уникальную человеческую жизнь. Мир жизни – это бытие конкретного, живого и действующего человека. При этом мир культуры и мир жизни находятся, в условной степени, в антагонистических отношениях, определенном дисбалансе по отношению друг к другу. Мир культуры, выстраивая свои иерархии ценностей, системы категорий, идеалы и нормы науки и искусства, всегда претендует на их общезначимость и абсолютность, что является залогом его смыслового единства. Но постоянная динамика, безостановочное становление жизни просто не могут во всей своей полноте и разнообразии быть схвачены в объективирующем теоретическом мире. Возникающее противоречие между миром культуры и миром жизни может быть проинтерпретировано как основание возникновения в обществе понимаемой в ее широком смысле аномии. Аномия возникает как результат нарастающего противоречия между миром культуры и миром жизни, приводящего к их рассинхронизации в современном сложноорганизованном, интенсивно изменяющемся обществе, в котором производимые юридические нормы и моральные ценности обнажают свою консервативную природу в сравнении с динамикой жизненного мира. «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяли бы по отношению к одному-единственному единству» [8, с. 12]. Осмысление и преодоление проблемы раскола мира культуры и мира жизни возможно на уровне анализа конкретно-исторического поступка, в котором всегда осуществляется синтез субъективной уникальности и ценностно-нормативной объективности. Для М. Бахтина поступок является фундаментальной онтологической категорией, вынесенной из ограниченной области практического действия и описываемой как экзистенциальный модус индивидуального существования, в котором человек утверждается как единичное и уникальное бытие. Структурными элементами, конституирующими поступок как единственное и единое целое, являются ответственность и долженствование, имманентно вписанные

в логику поступка. «Ответственный поступок есть осуществление решения – уже безысходно, непоправимо и невозвратно; поступок – последний итог, всесторонний окончательный вывод; в поступке выход из только возможности в единственность раз и навсегда» [8, с. 32]. Любая норма, культурная ценность или идеал только и возникают в действительности благодаря действительному поступку, в котором субъект берет на себя ответственность переводить их из потенциального состояния в актуальное. При этом ответственность поступка не может быть навязана извне, лишь изнутри действительного поступка, благодаря внутренне присущему поступку модусу долженствования – утверждающим актом воли я беру ответственность за поступок, и тем самым включаю его в историю моей жизни как постоянное «поступление». Поступок обретает свою подлинность лишь при наличии связки обязательного долженствования действия и принятия полной ответственности за него. Совершение такого поступка и есть акт индивидуального противостояния «безнормию» аномии. В своем поступке субъект актуализирует не фантомные ценности и абстрактные нормы, а реальную аксиологическую установку, заданную поступком в его темпоральном измерении «здесь-и-сейчас».

Субъектом поступка в философии М. Бахтина выступает укорененное в конкретном бытийственном моменте индивидуальное сознание, обозначаемое термином «участное сознание». Оно представляет собой не абстрактно-индифферентный способ мышления абстрактного «человека», а выступает как форма ценностно-целостного, уникального взаимоотношения конкретного человека и окружающей его действительности, при которой субъект-объектные отношения сменяются интересубъективными. Мир для участного сознания никогда не дан как «бытие в его готовности», но постоянно задан как потенция поступка, как становление, как совершающееся «событие бытия». Его укорененность в бытии «создает реальную тяжесть времени и наглядно осязательную ценность пространства, делает тяжелыми, неслучайными, значимыми все границы=мир как действительно и ответственно переживаемое единое и единственное целое» [8, с. 53], превращает мир в нравственную реальность, а каждый выбор становится ценностно детерминированным. Такая укорененность в бытии возможна лишь благодаря специфической установке сознания по отношению к себе самому и окружающему миру. Эта установка в философии М. Бахтина получает название «не-алиби в бытии».

Не-алиби в бытии представляет собой отрицание алиби, т.е. принципиальную причастность индивида к окружающему миру в его единственности и уникальной неповторимости. Установка на не-алиби в бытии основывается на осознании уникальности и незаместимости занимаемого собой места в пространственно-временном измерении, принципиальной невозможности для другого встать на это место и, соответственно, совершить единственный в своем роде поступок, который могу совершить лишь я и лишь в данный момент. Признание собственного не-алиби является первейшим условием обретения ценностного измерения поступком, который становится не следствием случайной конъюнкции причин и мотиваций, а как результат «действительной нудительной данности-заданности жизни» [8, с. 43]. Участное сознание является прямой противоположностью массового сознания, порожденного современным аномическим обществом, характеризующимся девальвацией ценностей, размытием нормативных установок и нравственных ориентиров. Аномия на индивидуальном уровне своего проявления может интерпретироваться как попытка уклонения от своего «участия» в бытии, взятия на себя «алиби» и тем самым избавления своих действий от ценностного измерения уникального поступка.

Заключение. На наш взгляд, теоретическое переосмысление концептуально-категориального аппарата, предложенного М. Бахтиным, и его апробация в воспитательных, идеологических, нравственных практиках обладает научным и эвристическим потенциалом для минимизации уровня аномии в современном глобальном обществе. Распространение социальной аномии отражается не только в дисбалансизации определяемых культурой целей и нормативных средств их достижения, но и на более фундаментальном уровне ценностной дисперсии и экспансии моральной бесчувственности. Ввиду динамичного и неустойчивого характера современного социума эта проблема не может быть решена путем жесткого установления «сверху» однозначных институциональных норм и моральных императивов. Кроме того, подобные попытки вполне могут вызвать обратный эффект в виде отторжения конкретных навязываемых ценностей и ценностных норм вообще, что приведет к дальнейшему распространению аномии и фрагментации социума. Более обоснованным представляется подход, направленный на формирование у субъектов самой этической позиции, ценностно окрашенного взгляда на мир, выраженного понятием участного сознания. Всякая «общезначимая» ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте, в результате принятия установки своего не-алиби в бытии. Именно возвращение установки на не-алиби в бытии в социуме способно остановить отмеченный в статье кумулятивный эффект аномии через признание своего уникального и единственного онтологического места, а, следовательно, своей персональной ответственности и долженствования. Важно отметить, что данная установка не является пассивной позицией принятия своей предзаданной уникальности в бытии, по своему определению она обязана быть актом активного утверждения и подтверждения своими поступками своей уникальной позиции, не способной быть морально безучастной к действительной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gallie W. B. Essentially contested concepts / W. B. Gallie // Proceedings of the Aristotelian society. – Oxford, 1956. – Vol. 56. – P. 167–198.

2. Кузьменков В. А. Аномия: основные подходы // *Nomothetika: философия, социология, право.* – 2020. – Т. 45, № 1. – С. 31–41. DOI: 10.18413/2712-746X-2020-45-1-31-41
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
5. Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // *Социологические исследования.* – 2014. – № 4. – С. 3–10.
6. Тургенева О. Ю. Социальная аномия и формирование аксиосферы постсоветских обществ // *Вісн. НТУУ “КПІ”. Філософія. Психологія. Педагогіка.* – 2012. – Вип. 3(48). – С. 71–78.
7. Ефремов О. А. Аномия как фундаментальное понятие социальной теории в условиях современного капитализма // *Вопросы философии.* – 2019. – № 1. – С. 35–38. DOI: 10.31857/S004287440003616-2
8. Бахтин М. М. К философии поступка // *Соч.: в 7 т.* – М.: Рус. словари; Языки славян. культуры, 2003. – Т. 1. – С. 7–68.

Поступила 16.09.2024

**ANOMIE AS A FACTOR OF MODERN SOCIAL CRISES:
THE ESSENCE AND THE POSSIBILITY OF OVERCOMING IT**

S. AMONENKO

(Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of social anomie and its relationship with social crises in modern society. Based on the classical understanding of anomie, developed in the studies of E. Durkheim and R. Merton, as an abnormal stage of social dynamics, which violates solidarity and contributes to the increase in deviant behavior in society, the article puts forward the thesis about the causal ambivalent nature of the relationship between anomie and social crises. Attempts to rethink the phenomenon of anomie in modern complexly organized global society are considered. A broader understanding of anomie in contemporary research is noted. As a theoretical and methodological basis for overcoming or minimizing the consequences of anomie, it is proposed to use the concepts of “compassionate consciousness” and “non-alibi in being” developed in the philosophy of M. Bakhtin. The article emphasizes the importance of forming an ethical attitude of the subjects of modern society and their active role in confronting social anomie.

Keywords: *anomie, social crisis, causal ambivalence, compassionate consciousness, non-alibi in being.*